

Ключевые слова: противоречие, таксономия, когнитивный диссонанс, экзогенный, эндогенный, контрадикторность, адверсативность, concessивность.

О. А. Лымаренко,

Candidate of Philology,

Associate Professor of English Grammar Department

Odesa I. I. Mechnikov National University,

24 / 26, Frantsuzky Blvd., Odesa, 65058, Ukraine,

tel.: (048)776-11-15

lylymar@rambler.ru

TAXONOMY OF CONTRADICTION IN LINGUISTICS

Summary

This paper presents interdisciplinary peculiarities of contradiction in philosophy (as the origin of any development), in sociology (as the generator of social struggle), in psychology (as intersubjective conflict collision) and in cognitive science (the last focused on the inner emotional and intellectual state of a human being). The cognitive contradiction has a complicated taxonomy organization and is reflected in speech as a logico-grammatical category of contradictory relations. They reveal lack of correspondence between proper and real facts and can be performed in word combinations, simple, compound or complex sentences. The last two syntactic constructions being the main structural representatives of contradiction, we distinguish adversative relations in parataxis and those of concession in hypotaxis. The difference between these two structures lies in cognitive perception based on epistemological factors of „knowledge” and „understanding”.

As the cognitive contradiction shows incompatibility of two denotational situations, we consider it to be of lingua-cognitive nature which appears in homo mentalis’s mind as the result of the cognitive dissonance and which has external expression only with the help of a language. There’s no contradiction in the physical world; it doesn’t exist separately from people’s activity but it exists in their internal and external (social) perception of this world.

Key words: contradiction, taxonomy, cognitive dissonance, exogenous, endogenous, adversative / concessive relations.

УДК 821.161.1’373:794.1:82-312.1Набоков

И. В. Мурадян,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
Французский бульвар, 24 / 26, г. Одесса, 65058, Украина,
тел.: (048)776-22-77,
muradayn@ukr.net

РОЛЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В „ШАХМАТНОМ” ВОСПИЯТИИ ГЕРОЯ В РОМАНЕ В. В. НАБОКОВА „ЗАЩИТА ЛУЖИНА”

В статье исследуется роль шахматных терминов в создании образа героя в романе В. В. Набокова „Защита Лужина”. Особое внимание уделено трансформации узуальных сем и актуализации дополнительных в шахматной лексике в тексте художественного произведения.

Показано, каким образом в романе В. В. Набокова термины „защита”, „ход”, „комбинация” и др., кроме семы „шахматная игра”, приобретают семы „жизнь”, „судьба”. Специфическое метафорическое значение внутренней формы художественного слова становится понятно только в связи с целым всего текста произведения.

Ключевые слова: художественный текст, шахматные термины, актуализация дополнительных сем.

Слово используется для создания художественного образа. По экспериментальным данным психологов, художественный образ создается лучше всего при помощи конкретной лексики. Этот пласт слов наиболее широко употребим в художественном тексте. Он помогает пробудить у читателя образное восприятие действительности [1, с. 37]. Художественный текст, роль слова в нем активно изучаются современными лингвистами. Тексты произведений В. В. Набокова представляют в этом плане большой интерес. Началось их подробное изучение, но многое еще остается не рассмотренным и спорным.

Проблемами специфики слова в художественном тексте занимались В. В. Виноградов, В. О. Винокур, Н. Ф. Алефиренко, В. Г. Гак, Л. А. Новиков, В. Н. Телия и другие ученые. Изучение слова в текстах В. В. Набокова ведется не так давно. По роману „Защита Лужина” существуют различные, порой противоположные суждения таких исследователей, как Б. Бойд, А. А. Долинин, И. В. Миронова, З. Шаховская и др. Неоднозначно рассматривается шахматная лексика в романе. Исходя из этого, проведенное нами исследование может иметь определенное научное значение.

А. А. Леонтьев писал: „Мы воспринимаем предметный мир не только в координатах пространства и времени, но и в еще одном квазипространстве. Это – пространство значений. Но значения имеют и свое реальное существование в языке, который является хотя и слабым, но объективно-историческим продуктом. Субъект с другими людьми лишь овладевает языковыми значениями, которые опосредуют его общение и связи с чувственно открывающимся ему миром” [6, с. 26]. Пространство значений – это вполне реальное таксономическое отображение эмпирического и теоретического знания о мире, в которое вплетается культурно-языковой опыт данной языковой общности. Слово – это и „коллективная память носителей языка”, „памятник культуры”, „зеркало жизни нации” [2, с. 7].

Особое место в художественном стиле занимает эстетическая функция. Любое слово языка, попадая в художественный текст, несет на себе эстетическую нагрузку. В свое время Г. О. Винокур писал о внутренней форме художественного слова, которая представляет собой метафору, „повернутую” к теме и идее конкретного художественного произведения [3, с. 391]. То есть значение каждого слова в художественном тексте содержит в себе не только его словарное толкование, но оно связано со всем целым текста и включает в себя еще и дополнительные значения, комбинаторные приращения смысла. При этом метафорическое значение слова нередко может быть полностью понято и определено лишь по прочтении всего художественного текста.

Предметом нашего изучения стала „шахматная” лексика в тексте В. В. Набокова. **Целью** является исследование того, какими дополнительными „приращениями смысла”, семантиками обогащаются шахматные термины, использованные Набоковым в романе, и какова их роль в формировании образа главного героя как шахматной фигуры короля в тексте произведения.

„Защита Лужина” – один из наиболее известных романов Владимира Владимировича Набокова. В основе сюжета лежат события из жизни друга Набокова – Курта фон Барделебена, гроссмейстера, покончившего жизнь самоубийством в 1924 г. Работа над романом велась в течение двух лет, 1929–1930. В. В. Набоков не ограничивается введением в роман шахматной лексики и терминов. Он строит композицию произведения в виде шахматной игры. Об этом сам писатель написал в предисловии к американскому изданию романа. Сам автор говорил, что „весь роман – это, в сущности, дотошное описание

шахматной партии (и его даже можно расшифровать). Кажется, что матч с Турати – это не только середина романа, но и середина партии (где происходит основная сшибка сил), и даже – середина доски. Можно представить сложную ситуацию: белый король защищался („защитой Лужина”), пошел в контратаку и вдруг, рискуя, совершая страшный, гибельный для себя ход, шагнул на половину противника: „Вдруг что-то произошло вне его существования, жгучая боль, – ...он понял ужас шахматных бездн, в которые погружался...”. В. В. Ерофеев пишет об этом произведении: „Здесь фабула разворачивается в глобальную метафору и приобретает аллегорический вид, осуществляясь в истории жизни шахматного гения” [5, с. 18]. Главный герой оказывается шахматной фигурой этой партии – королем. Поэтому все детали, указывающие в тексте на Лужина – шахматного короля, тоже относятся к средствам, обозначающим шахматную игру. Исследователи творчества В. В. Набокова отмечали соотносительность Лужина с главной шахматной фигурой – королем [9, с. 106]. Другие, напротив, обосновывали, что Лужин не король, а черный конь [10, с. 72].

В любом случае Лужин, несомненно, является шахматной фигурой этой партии. В одном из эпизодов в начале болезни В. В. Набоков напрямую сравнивает Лужина с шахматной фигурой: „Ноги от пяток до бедер были плотно налиты свинцом, как налито свинцом основание шахматной фигуры” [8, с. 82]. На наш взгляд, он все-таки король. Это доказывает то, что все в романе вращается вокруг него. Все связанные с ним персонажи, не имея собственных имен, названы через его фамилию, например, невеста Лужина, мать невесты и др. [7, с. 114]. В детском воспоминании Лужин представляет, как, кутаясь в плед, играл в короля. Кроме того, защита в шахматной партии – это защита короля, и шах объявляют королю. Именно так Набоков пишет о Лужине в конце турнира: „Становилось все темней в глазах, и по отношению к каждому смутному предмету в зале он стоял под шахом” [8, с. 81].

В. В. Набоков начинает роман с того момента, когда его герой становится учеником гимназии. Уходит в прошлое „дошахматное” детство. Вскоре отцу Лужина дарят ящик с шахматами, и тетя по матери знакомит маленького Лужина с этой игрой. Так в роман входят названия шахматных фигур, шахматных ходов и игроков, которые составляют ядро семантического поля ”Шахматная игра”: *король, ферзь (королева), конь, ладья, слон, пешка*. Следует отметить, что некоторые фигуры в шахматах имеют по два названия. Например, разговорные

обозначения называет Лужину тетя: *ладья – тура, слон – офицер, конь – конек*. Далее следуют названия шахматных ходов и ситуаций: *шах, мат, шахматная доска, гамбит, дебют, рокировка, эндшпиль*. Периферию семантического поля составляют редко (или один раз) использующиеся слова и словосочетания. К ним относятся: *шахматный зал, игра вслепую, шахматное поле, шахматные учебники, шахматные журналы, шахматные вычисления, шахматная фортуна*.

Шахматная лексика и термины, входящие в ядро семантического поля, активно используются В.В. Набоковым не только в прямом, но и в переносном значении. Со второй половины романа, с момента болезни Лужина понятие шахматной игры распространяется на всю жизнь героя. Шахматные термины начинают употребляться В. В. Набоковым в переносных значениях. Причем следует отметить, что, кроме обычных переносных значений, в художественном тексте появляются особые дополнительные значения, связанные со всем текстом. То есть значение каждого слова в художественном тексте содержит в себе не только его словарное толкование, но оно связано со всем целым текста и включает в себя еще и дополнительные значения, „комбинаторные приращения смысла”, дополнительные семы, актуализирующиеся в нем. Проследим за процессом появления переносных значений и дополнительных „приращений смысла”.

Прилагательное *шахматный* в прямом значении сочетается с различными шахматными действиями, например, *шахматный турнир, шахматный дар*. А вот сочетания из текста романа *шахматные силы, шахматная вселенная, шахматная бездна* используются только в этом произведении и указывают на то, что Лужин, находясь в болезненном состоянии, перенес шахматные термины на саму жизнь. Набоков передает болезненное восприятие Лужина, который начинает путать явь со сном. В этом восприятии героя „мир шахматных представлений проявил ужасную власть” [8, с. 76]. Набоков вводит олицетворение, одушевляя „мир шахматных представлений”. Далее автор употребляет новые переносные значения для прилагательного *шахматный*, которые окказионально употребляются только в этом тексте: *шахматная бессонница, шахматная вселенная, шахматный гроб – ящик для фигур*, например: „Стройна, отчетлива и богата приключениями была подлинная жизнь, шахматная жизнь, и с гордостью Лужин замечал, как ему в этой жизни властвовать, как все в ней слушается его воли и покорно его замыслам” [8, с. 77]. Далее

для Лужина шахматы становятся живым существом, и в тексте появляется олицетворение „шахматы были безжалостны”. Оживая, шахматы для Лужина „выходят” в реальную жизнь: „В воздухе, куда не помотришь, бродили извилистые, прозрачные шахматные образы” [8, с. 81]. В. В. Набоков вводит необычное сочетание „шахматные заросли”, которые не хотят отпустить героя. И чтобы показать, что жизнь для Лужина управляется шахматами, используется словосочетание *шахматные боги*. После турнира уже больной Лужин впервые не отделяет шахматную игру от жизни и не может „выйти” из нее в реальность: „...Лужин, поняв, что завяз, заплутал в одной из комбинаций, которые только что продумывал, сделал отчаянную попытку высвободиться, куда-нибудь вылезти, – хотя бы в небытие” [8, с. 81]. Так шахматные комбинации приобретают переносное значение „комбинации жизни” и появляется первое упоминание о том, что из игры можно „выйти в небытие”.

Шахматный термин „комбинация” является прямым, и он часто встречается в начале романа. Но с момента болезни Лужина слово „комбинация” начинает употребляться в переносном значении, обозначая уже не шахматную игру, а ходы и комбинации Судьбы, которые, как шахматную партию, пытается разгадать герой. В этом переносном значении это уже не термин, а новый ЛСВ, в котором сема „шахматный термин” заменяется семами „жизнь”, „судьба”. В значительной мере семантическое наполнение слова „комбинация” получает из набоковского текста „комбинации жизни, судьбы”. Это те приращения смысла художественного слова, которые становятся понятны из связи значения слова с целым художественным текстом. Происходит актуализация дополнительных сем. То, что в тексте В. В. Набоков использует переносные значения слова „комбинация”, говорят нам эпитеты, которые к ней присоединяются, например: *коварная комбинация, чудовищная комбинация, роковая комбинация (коварной и роковой может быть судьба)*. И все настойчивее возникает в мозгу героя возможный выход: „И мысль, что повторение будет, вероятно, продолжаться, была так страшна, что ему хотелось остановить часы жизни, прервать вообще игру”.

Вместе с термином „комбинация” во второй половине романа В. В. Набоков активно применяет шахматный термин „ход”, который тоже используется в переносном значении. В тексте романа переносные значения слова „ход” подтверждаются эпитетами „хитрые ходы”,

„тонкие ходы” и др. Первое перенесение слова „ход” на события жизни Лужина В. В. Набоков дает таким образом: „Смутно любуясь и смутно ужасаясь, он прослеживал, как страшно, как изощренно, как гибко повторялись за это время, ход за ходом, образы его детства (и усадьба, и город, и школа, и петербургская тетья), но все еще не совсем понимал, чем это комбинационное повторение так для его души ужасно. Одно он живо чувствовал: некоторую досаду, что так долго не замечал хитрого сочетания ходов” [8, с. 126].

Последний ход, подводящий к развязке, в тексте Набоковым назван „неумолимым”: „Эту ошибку предвидел противник, и неумолимый ход, подготавливаемый давно, был теперь сделан” [8, с. 146]. Итак, мы можем отметить, что слово „ход” в тексте В. В. Набокова приобретает дополнительную окказиональную сему „ход судьбы”.

Таким же переносным значением наполняется в конце романа слово „игра”. Она в безумном мозгу Лужина распространяется на всю его жизнь, и он как опытный шахматный игрок пытается ее понять. То, что слово *игра* употреблено в переносном значении, подтверждает эпитет *лукавая*: „Единственное, что по-настоящему занимало его, была сложная, лукавая игра, в которую он – непонятно как – был замешан”. „Он... все время смотрел и слушал, не проскользнул ли где намок на следующий ход, не продолжается ли игра, не им затеянная, но с ужасной силой направленная против него” [8, с. 134]. В. В. Набоков показывает, что игра пугает Лужина. Этот страх автор передает через сон, в котором использует разные шахматные термины и показывает беспомощность Лужина как фигуры. „Простирались все те же шестьдесят четыре квадрата, великая доска, посреди которой, дрожащий и совершенно голый, стоял Лужин, ростом с пешку, и вглядывался в неясное расположение огромных фигур, горбатых, головастых, венценосных” [8, с. 139].

Находясь во власти безумия, Лужин как шахматный игрок все-таки продумывает защиту, пытается спастись. И здесь мы подходим к главному шахматному термину романа, к слову *защита*, вынесенному В. В. Набоковым в название произведения. Слово *защита* в романе используется как шахматный термин. Это первое, „лежащее на поверхности” значение этого слова. Значение шахматного термина первым актуализируется и в семантике заголовка произведения. По фабуле произведения Лужин действительно готовит защиту на предстоящем турнире против своего главного соперника итальянского гроссмейстера

Турати. Но значение слова *защита* в произведении семантически многослойно. Обезумевшему Лужину представляется, что против него ведется чудовищная игра. Он начинает воспринимать жизнь, как шахматную партию, и готовит защиту от неведомых, но враждебных сил: „<...> нужно было придумать, пожалуй, защиту против этой коварной комбинации, освободиться от нее, а для этого следовало предугадать ее конечную цель, роковое ее направление <...>” [8, с. 126]. В. В. Набоков показывает, что его герой не может думать ни о чем, кроме шахмат. В этом состоянии Лужин лихорадочно ищет защиту, как в шахматной партии, но на самом деле – защиту от жизни: „Трудно, очень трудно заранее предвидеть следующее повторение, но еще немного – и все станет ясным, и, может быть, найдется защита <...>” [там же]. Таким образом, в слове *защита* реализуется новое значение, выводящееся из текста романа – „защита от жизни”. Но защита „оказалась ошибочной”. И Лужин принимает решение: „Нужно выпасть из игры” [8, с. 149]. Набоков специально подбирает шахматный термин *выйти, выпасть из игры*, который можно рассматривать и в прямом значении – „выпасть из окна, выпасть из жизни”. В последнем восприятии своего героя В. В. Набоков тоже показывает вечность, как бы разделенную на квадраты шахматной доски. „<...> он глянул вниз. Там шло какое-то торопливое приготовление: собирались, выравнивались отражения окон, вся бездна распадалась на бледные и темные квадраты, и <...> он увидел, какая именно вечность угодливо и неумолимо раскинулась перед ним” [8, с. 152]. Так сложно переплетены в тексте романа В. В. Набокова прямые и переносные значения слов и шахматных терминов, которые складывают единое художественное целое.

Своеобразием текста является наличие шахматной лексики, использованной в переносном значении. Это связано с тем, что в воспаленном воображении главного героя шахматная игра переносится на его жизнь. Поэтому в словах *ход, комбинация, игра, защита* в прямом значении присутствует сема „шахматная игра”. В переносных значениях эта сема заменяется семами „жизнь”, „судьба”. Слово само много дает художественному тексту. В то же время оно „набирает” из текста дополнительные оттенки, связанные со всем текстом. Эти дополнительные смыслы, актуализированные семы добавляются к словарным значениям слова и помогают создавать художественный образ.

Список использованной литературы

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
2. Верещагин Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Индрик, 2005. – 308 с.
3. Винокур Г. О. Избранные труды по русскому языку / Г. О. Винокур. – М. : Наука, 1959. – 498 с.
4. Гак В. Г. Лексическое значение слова / В. Г. Гак // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1998. – С. 261–263.
5. Ерофеев В. В. Русская проза Владимира Набокова / В. В. Ерофеев // Набоков В. В. Собр. соч. в 4 т. – М. : Изд-во „Правда”, 1990. – Т. 1. – С. 3–32.
6. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.
7. Мурадян И. В. Особенности антропонимической номинации в тексте романа В. В. Набокова „Защита Лужина” / И. В. Мурадян // Проблеми аналізу тексту в сучасній науці. V наукова конференція „Семантика мови і тексту”. – Івано-Франківськ : Вид-во Прикарпатського ун-ту, 1996. – С. 113–117.
8. Набоков В. В. Защита Лужина / В. В. Набоков // Собр. соч. в 4-х томах. – М. : Изд-во „Правда”, 1990. – Т. 1. – С. 5–152.
9. Носик Б. М. Мир и дар В. Набокова / Б. М. Носик. – М. : Изд-во Пенаты, 1995. – 573 с.
10. Саун С. В. Шахматный секрет романа В. Набокова „Защита Лужина” / С. В. Саун // Набоковский сборник: Мастерство писателя / Под ред. М. А. Дмитриевской. – Калининград : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 2001. – С. 69–77.

І. В. Мурадян

РОЛЬ ЛЕКСИЧНИХ ЗАСОБІВ У „ШАХОВОМУ” СПРИЙНЯТТІ ГЕРОЯ В РОМАНІ В. В. НАБΟКОВА „ЗАХИСТ ЛУЖИНА”

В статті досліджується роль шахових термінів у створенні образу героя в романі В. В. Набокова „Захист Лужина”. Особливу увагу приділено трансформації узуальних сем та актуалізації додаткових сем шахової лексики в тексті художнього твору. Досліджується, яким чином в романі В. В. Набокова терміни „захист”, „ход”, „комбінація” та ін., окрім семи

„шахова гра”, отримують семи „життя” та „доля”. Специфічне метафоричне значення форми художнього слова стає зрозумілим у зв’язку з усім твором.

Ключові слова: художній текст, шахові терміни, актуалізація додаткових сем.

I. V. Muradian,

Candidate of Philology,

Associate Professor of Russian Language Department

Odesa I. I. Mechnikov National University,

24 / 26, Frantsuzky Blvd., Odesa, 65058, Ukraine,

tel.: (048)776-22-77

muradayn@ukr.net

THE ROLE OF CHESS TERMS IN THE READERS’ PERCEPTION OF THE MAIN CHARACTER IN V. NABOKOV’S NOVEL „THE LUZHIN DEFENCE”

Summary

The article is devoted to the usage of chess terms that help in the perception of the main character in V. Nabokov’s novel. The subject of our research is the chess vocabulary which the author used to create the type of the character. The purpose is to research additional semes, which appeared in the chess terms in the literary text.

V. Nabokov wrote his novel in a-game-of-chess style. There are different opinions on the role of Luzhin as a chess figure. In this article Luzhin is viewed as king of the chess game, which is confirmed by a great amount of words in the text. V. Nabokov adds to the terms „defence”, „combination” and others the semes „life” and „fate”. The meanings of these words can only be understood by the reader within the whole text. The methodology is the componential analysis of the chess vocabulary. The finding of this research may be used while studying the novel by V. Nabokov.

Key words: literary text, chess terms, actualization of additional semes.

УДК 811.163.2’28

О. М. Пейчева,

кандидат філологічних наук,

доцент кафедри загального та слов’янського мовознавства

Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Французький бульвар, 24 / 2 б, м. Одеса, 65082, Україна,

тел.: (048)776-04-42,

movoznastvo98@gmail.com